

ЮРИЙ ЛОЩИЦ

НАШ СЕВАСТОПОЛЬ

ПРИБЫТИЕ

Из толщи скрипучей тоннеля,
бока, что ль, свои ободрав,
замедленно, еле-еле,
на свет выникает состав.
В пронзительном терпком створе
спящего известняка
я вижу ещё не море,
а синий клинок пока.
Мне ль ждать миражей и обмана?
Я здесь не к параду гость.
Пещерных глазниц Инкермана
смертную вижу кость.
В окно вступает, сердчая,
пустопорожний док.
Ещё я не вижу чаек, —
лишь неба пылающий клоч.
Вопрос портового крана
в причальные рельсы врос.
В трюма открытую рану
не опускают трос.

ЛОЩИЦ Юрий Михайлович родился в 1938 году в селе Долинском Одесской области. Окончил филологический факультет МГУ. Автор книг "Сковорода", "Гончаров", "Земля-именинница", "Дмитрий Донской", "Слушание земли", "Унион. Проза последних лет", романа "Полумир" и сборников стихов "Столица полей" и "Больше, чем всё". Член Союза писателей России. Живёт и работает в Москве.

Но я о беде твоей, город,
на стогнах не стану вопить,
затем, что ты светел, молод,
ты так порываешься жить.
Буксир ползёт по затону
пустому, где реял флот.
Спасибо вам, что к перрону
никто встречать не придёт.

ТОЛСТОЙ НА БАСТИОНЕ

На бастионе новичку неловко.
Поддельна тут ухмылка на губах.
Ещё не началась артподготовка,
но и бывалых забирает страх.
В тумане знобком выглядят зловеще
ствол и лафет, шинели воротник.
Что мельтешить, какой тебе обещан
день, или час, иль этот самый миг?
Под сапогом — расквашенная глина.
Убитых грузят. Ядра волокут.
Чуть проступает ихняя долина.
Но не зевай... Враз козырёк снесут.
Когда же будет на него управа?
Ишь, перемирья запросил на час.
Нору сапёр-французик роет браво —
заводит мину, шер ами, под нас.
Их из-за моря понаплыла тьмища:
сэр, и мусье, и турка, и арап.
Да наши по ночам в разведку рыщут —
Европе забивают в дуло кляп.
Но вот беда! Блиндаж в четыре ската
не выдержал... Полно прорех и дыр...

Ну, подождите, brave ребята,
я покажу вам и войну и мир.

* * *

Севастопольские антиквары,
археологи, нумизматы,
как пещерные люди, стары,
а иные, как я, бородаты.
Соблюдают свою заботу.
Как цари, снисходительно-зорки,
соберутся опять в субботу
за Петром и Павлом, на взгорке.
И тряхнут из мешков забавой
в память всех, кому к нам неймётся:
штык покажут фашистский ржавый,
кортик аглицкого флотоводца.
Ишь, глаза разбегутся сами!
Как на пуговки не подивиться
эти кругленькие, с нумерами
полков ли французских, дивизий?
А турецкие бурые фески?

А щербатый тесак зуава?
Хороша ты, в хламе и блеске,
экспедиции трубная слава.
Тут отметились все понемножку.
И монголы мелькнули, и готы.
И бренчит мамалыжная ложка
в котелке румынской пехоты.
Но советских времён гранаты
как с иголочки, вижу, одеты...

Чу!.. зовут к себе нумизматы.
В их тетрадках тяжких — монеты.
— Вам динарий римский, старинный?
Он — в особой цене и весе.
Но за бухтой у нас Карантинной
свой монетный двор в Херсонесе.
Потому византийцев — обилье.
Потому-то с небрежной лаской
македонца деньгу Василья —
базилевса тут кличут “Васькой”.
Глянь, Михайло Третий, медяшка.
Его Васька спровадил с трона.
Хоть Михайло и пил, бедняжка,
порешили его беззаконно.
Все монеты по-своему дивны.
Но от гривней новейших отрыжка.
Вот зато настоящие гривны —
новгородское серебришко.
Не раззявы тут, не идиоты.
Разумения наши крепки,
и в обмен не берём банкноты
заслуженного мазепки.
Да, разгулка у нас неплохая.
Не одни лишь купюры-монеты.
Хошь, шальвары Бахчисарая,
хошь, Мицкевича сыщем сонеты.

— Хорошо у вас на досуге
побродить. Память держите в силе.
Ну, а может, что слышали, други,
о Философе, о Кирилле?
— Навестил нас и он в годы стары.
На епископском жил подворье
и отсель отлучался в Хазары.
Но о том — распытай у моря...
Впрочем... Тут старикан приходит
раз в году, на погрев, в апреле.
Книгу держит, евангелья вроде.
Буквы в ней разберёшь еле-еле.
“Эту самую книгу, — кажет, —
русским слогом в ту пору сложили,
чтоб Философа ею уважить,
чтоб дерзанье возжечь в Кирилле...
Он и взял те знаки — аз-буки,
и кириллицей их назвали.
А без этой подсказки — дудки! —
сам придумал бы их едва ли...”
Так, не так? Приезжай ближе к маю.
Может, дедку того и встретишь.
Ну, а где он ютится, не знаю,
только книга — совсем уже ветошь...

АДМИРАЛЬСКИЙ СОВЕТ

Все сроки вышли — дней, часов, минут.
Три адмирала терпеливо ждут
на свой совет коснеющего брата.
До Графской пристани от Северной волна
доставит чёлн четвёртого. Молчат
сопровождающие адъютанты.
Горячий полдень онемел над бухтой.
Прощай, волна. Теперь — недалеко:
на городском холме, где, знает сам он,
назначен их торжественный совет.

Что рассуждать о долге, славе, чести?
Краеугольные четыре — вместе.
Летят четыре лёгкие корвета
в четыре стороны земного света.
Четыре ветра веют без обмана
в четыре поднебесных океана.
В четыре компас указывает шири.
Евангелий у Бога сколь? — Четыре!
У синего креста на белом поле
про нас четыре суть угла, не боле.
Возляжем же крестом на ложе склепа,
плечом к плечу. Надёжна смерти скрепа.
Ты, Лазарев! Корнилов, ты! Истомин!
И ты, Нахимов!.. Общий срок исполнен.
Мы дождались друг друга. Снова вместе.
К чему ж слова о долге, славе, чести?..

Над Севастополем, как прежде, канонада.
От запада ещё одна армада
вспухает тучей. Всё-то им неймётся.
Ползут. Нагледят. Щурят хищный глаз.
Но свой совет четыре флотоводца
с тех пор не прерывают ни на час.

КАРАНТИННАЯ БУХТА

*Ты помнишь, в нашей бухте сонной
Спала зелёная вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.
Четыре серых...*

Александр Блок

Сколько раз от вокзала спешил напрямик
прочитать твои камни, как остовы книг.

Сколько раз к этой бухте от серых руин
я спускался, счастливый, как в день именин.

Здравствуй, шёпот зелёной хрупкой волны.
Херсонес, мне твои позывные родны.

...Серый “сторож” застыл. Дизель чуть дребезжит.
Но на палубе пусто. Вода — малахит.

В очертанье надстроек — дерзость, напор.
Отдых дали команде... Ночью — в дозор.

Чей он? Наш ли, чужой? Ну, а сам-то ты чей?
Я? — Москаль белорусско-хохлацких кровей.

“Чей он?” Глуп, сознаюсь, и постыден вопрос!
Но уже, как бурьян, между нами пророс.

А Владимир? Он чей, что стоит за спиной?
Белоплеч и высок, шлем горит золотой.

Чья крещальня вблизи от его алтарей?
Слог священных молений, скажите мне, чей?

Не Солунские ль братья в сей город вошли,
чтоб согласье расслышать славянской земли?

Киев, Ладога, Полоцк, Тамань... — они чьи?
Ярославны и Игоря чьи соловьи?

Что мы делим, безумцы? Иудина злость
подстрекает дробить наших праотцев кость.

Душу, море и сушу как в ступе толчём,
чтоб тащить на торги: “Что почём? Что почём?”

Визг раздорный в семье — он чумнее чумы.
На смех свету всему разбежимся ли мы?

Безъязыкие рты и безглазые лбы —
вы, кто общей отрёкся земли и судьбы.

Есть народ. Он на два иль на три неделим.
Есть Господь. Он и в трёх ипостасях един.

...Склянки бьют. Херсонес. Дизель вслух задрожал.
“Сторож” к ночи покинет дремотный причал.

Пусть он держит рубеж от беды и пропаж.
Чей он? Наш!